

О проблемах активизации защиты общественных интересов в гражданском и административном судопроизводстве: правовой мониторинг

Зарубина М.Н.*

Ключевые слова: правовой мониторинг, судебное разбирательство, общественный интерес, доступ к правосудию, судебная реформа, гражданский иск, неопределенный круг лиц.

Аннотация. В настоящей статье автор анализирует современное состояние защиты общественных интересов в гражданском и административном судопроизводстве, выявляет закономерности правовых трансформаций, обуславливающих участие общественных институтов в судебных процессах. Исследование законодательства и судебной практики в этой сфере позволило автору сделать вывод о необходимости проведения правового мониторинга в более глобальных масштабах с целью показать ключевые проблемы, с которыми общество как комплексный и многослойный институт может столкнуться, и потребность решить их в судебном порядке. В настоящее время именно суд является единственным независимым органом власти, способным уравновесить общественные и государственные интересы. В этом контексте необходимо разработать универсальные процессуальные конструкции, призванные обеспечить доступ к правосудию гражданам, группам граждан, общественным объединениям и иным некоммерческим организациям с целью получения защиты общественного интереса, если имело место многократное его нарушение, а также причинен имущественный и моральный вред хотя бы одному члену общества.

DOI: [10.21681/2226-0692-2019-3-43-48](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-3-43-48)

Защита общественных интересов в правовом государстве представляет собой реализацию принципа верховенства права и способствует активной роли общества в формировании позитивного отношения к институтам власти и тенденциям развития политических процессов. Известно, что государство, будучи заинтересованным в стабильности и безопасности существования своих граждан, предпринимает все возможные меры для создания благоприятных условий жизни проживающих в нем людей. Наличие судебных механизмов защиты прав граждан обеспечивает и нормализует взаимодействие и взаимопонимание отдельных элементов политической системы общества, предоставляя определенные гарантии получения социального блага или материальных ценностей. Степень такой защиты может быть разной — удовлетворять или не удовлетворять потребности отдельных лиц, поэтому полноценно и беспристрастно говорить об эффективной и справедливой судебной системе можно только в том случае, если объектом судебной защиты выступает не только частный интерес отдельной личности, но и группы лиц, неопределенного круга лиц (общественный интерес).

Кроме того, граждане могут участвовать в осуществлении правосудия как непосредственно в качестве заседателей — членов коллегиального состава суда, так и опосредованно в одной из двух форм общественного контроля: участие в правовом мониторинге и наблюдении. Такие формы участия сами по себе не гарантируют того, что общественные интересы будут защищены, но могут способствовать выявлению ключевых проблем защиты прав человека в конкретном государстве, отражать отношение общества к правосудию в целом. Полученные данные должны быть учтены и направлены на поиск правовых решений потенциального или имеющегося конфликта «государство — личность (общество)», в том числе путем принятия нужного закона или иного нормативного правового акта.

Демократическое правовое государство не должно бояться отвечать за последствия причинения вреда своим подданным, руководить этим процессом и оценивать перспективы дальнейшего развития определенного вида правоотношений. И здесь не последнюю роль играет готовность общества использовать предлагаемые государством механизмы, улучшать свое благосостояние через правовую активность и оценивать результаты

* Зарубина Мария Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Россия.
E-mail: 17mz84@mail.ru

своей деятельности, масштабируя их в новое русло политической жизни.

Говоря об общественном интересе и его защите в судебном порядке, следует обозначить несколько проблем, наиболее характерных, на наш взгляд, для России, и препятствующих активности общества в принятии политически важных решений.

Одна из таких проблем тесно связана с тем, что в настоящее время граждане не участвуют в проведении правового мониторинга судебных процессов, в которых могут быть затронуты общественные интересы. Общественный контроль в том виде, в каком он регламентирован действующим законодательством, не применим к судебной системе. Соответственно, обратная связь между судебной властью и гражданами практически отсутствует. Конечно, интересующееся конкретным делом лицо, может прийти в суд и наблюдать за происходящим в судебном заседании, однако это участие не облекается в какую-либо форму, не становится значимым с точки зрения отражения мнения о правосудии, его положительных и отрицательных характеристиках. Специалисты между тем констатируют положительное влияние общественного мнения при подготовке прогноза развития законодательства и практики его применения, затрагивающих интересы широкого круга лиц [6, с. 25].

Следует отметить довольно интересное и масштабное исследование Е.И. Алексеевской, считающей, что за 25 лет проведения многочисленных судебных реформ так и не удалось сделать правосудие публичной услугой [1, с.11—20], соответствующей стандартам справедливого судебного разбирательства и удовлетворяющей потребностям общества. Используемые для такого вывода показатели были вполне объективными и продиктованы Концепцией судебной реформы 1991 года¹ и международными актами в области защиты прав и свобод человека². Многие патологии в сфере осуществления правосудия остаются в тени из-за отсутствия эффективных механизмов восстановления нарушенных прав заинтересованных лиц, вследствие чего общественные институты просто обязаны содействовать судебной реформе и выявлять слабые и сильные стороны судебной системы.

В 2013 году Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека подготовило практическое руководство по проведению мониторинга судебных процессов [4, с.29, 144, 152], где подчеркивается функция гражданского общества в поддержании системы правосудия. Огромное значение имеет возможность не только проводить оценку готовых результатов мониторинга, но и принимать участие в нем. В документе обращается внимание на значение каждого из трех видов мониторинга (системный, тематический и специальный), критерии выбора одного из них, методики и планирование. Главным условием здесь выступает обоюдное же-

¹ Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 №1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР.1991. № 44. Ст. 1435.

² Например, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в Риме 04 ноября 1950 года. Ратифицирована Россией 30 марта 1998 года // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

вание государства, в лице судебных органов, и общества объективно оценить ситуацию, конструктивно взаимодействовать, не вмешиваясь в ход судебного процесса, но целенаправленно принимать меры по внедрению технологий мониторинга в судебную систему различными способами, например, выявлять наиболее резонансные гражданские и административные дела, в которых причинен значительный ущерб или моральный вред, затронуты права отдельных социальных групп, произошло массовое сокращение рабочих мест, несправедливо взысканы налоги и сборы и т. д., и принимать участие в судебных заседаниях по таким делам, проводить опросы участвующих в деле лиц на предмет соблюдения процессуальных принципов и правил (своевременное извещение участников процесса, корректное отношение и этичное поведение судей, возможность отстаивать свою позицию средствами, предусмотренными законодательством, соблюдение сроков судебного разбирательства, получение судебного решения с мотивировочной частью, принятие мер к исполнению судебного акта компетентными органами власти), приглашать СМИ. Однако для того, чтобы реализовать такое право, субъекту, проводящему мониторинг, нужна конкретная программа с изложением порядка, принципов, норм поведения. Все предусмотренные программой мероприятия не являются вторжением в деятельность суда, а должны быть санкционированными и прямо обусловленными самой процедурой. Заключительным этапом мониторинга может выступать подготовка отчета и его опубликование на официальном сайте Общественной Палаты Российской Федерации³. Предложенную нами модель участия общества и его элементов в осуществлении правосудия считаем вполне реальной для исполнения.

Адвокация результатов мониторинга преследует сразу несколько целей. Во-первых, такая процедура нуждается в легализации, и, как следствие, все ее этапы обязательны не только для субъекта, инициировавшего мониторинг судебных процессов, но и для аппарата суда, судей, судебных представителей, адвокатов, приглашенных СМИ. Во-вторых, снизятся кривоколки относительно «безобразия», творящегося в судебной системе, так как сами граждане наделяются активной функцией по взаимодействию с ней. В-третьих, все выявившиеся достоинства и недостатки станут достоянием общественности и государства. Последнее способно регулировать ситуацию, предпринимать меры по восстановлению прав социально уязвимых единиц, привлекать к ответственности отдельных должностных лиц, недобросовестно исполняющих свои обязанности.

Так, О.Ю. Рыбаков называет необходимым элементом и в то же время приоритетным направлением правовой политики современного государства деятельность общественных объединений и отдельных лиц, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правового механизма [8, с.71]. Отсутствие на сегодняшний день конкретных форм участия граждан в управлении правосудия по гражданским и административным делам — неблагоприятный фактор, влияющий

³ Официальный сайт Общественной Палаты Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/> (дата обращения — 23.08.2019).

на эффективность защиты общественных интересов. Направленность уголовного судопроизводства или производства по делам об административных правонарушениях на защиту общественного интереса очевидна в силу особой (особо опасной или противоправной) правовой природы дел, по которым они возбуждаются. Д.А. Туманов вполне объективно прослеживает производность юридической ответственности от степени и характера защищаемого в судебном порядке общественного интереса, а также субъекта, уполномоченного его защищать [13, с. 567].

Другой немаловажной проблемой можно назвать неопределенность и размытость понятия общественно-го интереса и его соотношение с частными, публичными и государственными интересами. Законодательство не содержит разъяснения на этот счет, а вот в литературе сложились два подхода: узкий и широкий. Согласно узкому подходу, общественный и государственный интересы рассматриваются как противоположные категории друг другу (А.Я. Курбатов⁴, Е.С. Смагина и др.), а совпадать они могут только в том случае, если государство поддерживает определенные социальные потребности и предпринимает меры для создания условий их реализации. В этом случае, как справедливо пишет Е.С. Смагина, общественный интерес перерастает в публичный интерес и непосредственно защищается государством [10, с.11, 13]. В защиту публичного интереса выступают, например, прокурор, представители органов государственной власти, целью деятельности которых является охрана публичного правопорядка, и когда он нарушается, субъект власти обязан в силу возложенных на него полномочий отреагировать на сложившиеся обстоятельства в регионе или стране. Более того, в судебном порядке истец — уполномоченное лицо — обязано доказать, что у него имеется государственный интерес (публичный интерес) в конкретном деле. В противном случае суды отказывают в удовлетворении исковых требований⁵.

И, напротив, общественный интерес можно конкретизировать не столько с точки зрения права, а с ракурса социальной справедливости, факторов, способствующих улучшению уровня жизни населения, уважению чувств определенных слоев населения и т. д. Государство может проводить политику, направленную на обеспечение общественных интересов, но в случае конфликта общественные структуры должны иметь право обратиться в суд к государству с целью разрешения спора с властью. Таким образом, объект судебной защиты — общественный интерес — дифференцируется на социальный (например, получение социальных льгот, обеспечение социально незащищенных слоев населения правом на бесплатную юридическую или медицинскую помощь, снижение налоговых ставок, тарифов и прочее), экологический (потребность населения жить в благоприятной окружающей среде, борьба с органами

власти по уничтожению природных объектов и отдельных видов животных), религиозный (защита прав верующих) и т. д., в зависимости от того, какая сфера общественных интересов затронута.

Перспективным и значимым представляется точка зрения, высказанная еще в 70-х годах XX века Р.Е. Лукашенко о неубедительности законодателей и правоприменителей отказывать в судебной защите лишь на основании того, что требования, не охраняемые нормой материального права, не могут быть предметом судебного рассмотрения. Ученый справедливо указывал на главный критерий признания спора правовым. Им выступает не конкретная норма материального права, предусматривающая правовую охрану интереса, а само его содержание [2, с. 12, 13].

В связи с этим следует считать любой спор правовым, если он затронул интересы большинства и в результате чьего-либо противоправного поведения (в том числе, как государства в целом, так и отдельных лиц) причинен имущественный и (или) моральный вред хотя бы одному члену общества.

Согласно широкому подходу (О.Н. Шеменова, Д.А. Туманов, Е.Г. Стрельцова и др.) осуществление правосудия преследует цель стабилизации правопорядка, вследствие чего даже при вынесении законного и обоснованного судебного решения в отношении конкретного индивида происходит и защита общественного интереса [5, с. 124—125; 12, с. 285]. Данному подходу свойственно также отождествление государственного и общественного интересов, которые должны совпадать в правовом государстве и обеспечиваться правом. О.Н. Шеменова, исследуя характеристики целей гражданского судопроизводства через приоритет частных или публичных начал, заметила зависимость их проявления в законе от определенного исторического развития того или иного государства [16, с.15—33]. Установленные в процессуальном законе судопроизводственные цели и задачи неукоснительным образом влияют на регламентацию всех процессуальных отношений, складывающихся при рассмотрении гражданского или административного дела. В настоящее время и ГПК РФ⁶, и КАС РФ⁷ преследуют главной целью защиту нарушенных прав и свобод граждан, организаций, публичных образований. Такая целевая установка, по всей видимости, максимальным образом должна повлиять на дальнейшую эволюцию процессуальных кодексов.

Активное участие граждан в политических процессах свойственно демократическому государству. В России уже 10 лет, с момента принятия в 2008 году Закона о противодействии коррупции⁸, проводится комплекс мероприятий как на государственном, так и на негосударственном уровнях. В этом вопросе немаловажную роль играют институты гражданского общества, ведь по справедливому замечанию О.Ю. Рыбакова, преодоление

⁶ Ст. 2 ГПК РФ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁷ Ст. 3 КАС РФ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁸ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

⁴ Курбатов А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2001.

⁵ Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 19 марта 2019 г. № Ф09-909/19 по делу № А71-5038/2018 // Справочно-информационная система «КонсультантПлюс», дата доступа: 10 августа 2019 г.

коррупции предполагает «становление гражданского сознания, актуализации антикоррупционного общественного сознания, наиболее сложных точек ее локализации, иные институты формирующегося в России гражданского общества, инициативно участвующие и влияющие на формирование и реализацию правовой политики» [9, с. 15]. И в этом аспекте интересы органов власти и общественных структур взаимопроницаемы, а применение конструкции защиты общественных интересов через подачу самостоятельного иска будет способствовать именно достижению целей антикоррупционной политики. В частности, некоторыми практиками верно подмечено, что при подаче иска в защиту интересов неопределенного круга лиц преследуется в первую очередь публичный интерес — пресечение противоправной деятельности какой-либо организации, поскольку непосредственно в таких делах вопрос о возмещении ущерба не решается [15, с. 60].

Представляется, что обе позиции заслуживают поддержки ввиду выбора разных критериев разграничения рассмотренных понятий. Однако в прагматических целях, на наш взгляд, следует придерживаться узкого подхода, поскольку он предоставляет больше возможностей для выявления реального функционирования механизма защиты общественных интересов в судебном порядке. Семантическое значение слова «публичный» — открытый, общественный. В нашем понимании не каждый государственный интерес поддерживается обществом в целом, а значит, не является общественным в чистом смысле, и наоборот. Например, взыскание с граждан денежных средств на капитальный ремонт с помощью специализированных организаций, повышение тарифов на коммунальные услуги — частные случаи несовпадения государственного и общественного интересов. Между тем общественный интерес, если он одобрен и обеспечен государством, им защищается, становится публичным, то есть открытым политическим проявлением гуманизма и преемственности деятельности общественных структур и отдельных личностей. В любом случае для стабилизации отношений общественный интерес должен стать объектом судебной защиты. Многослойность и структурность общественного интереса в гражданском судопроизводстве приводит некоторых ученых к концептуальному подходу о смешанной природе общественного интереса как опосредованному и непосредственному объекту судебной защиты [14, с. 54—70].

Иногда прослеживается связь общественного и коммерческого интереса. Так, А.К. Соболева, ссылаясь на обширную практику Европейского суда по правам человека по делам, связанным с нарушением ст. 10 Европейской конвенции (свобода самовыражения и информации), констатировала признание на наднациональном уровне за гражданами свободы выражения общественного мнения, даже если это приводит в конце концов к снижению потребления товаров, работ, услуг коммерческих структур [11, с. 21]. На наш взгляд, защита общественного интереса упирается не только в противостояние с органами государственной власти, местного самоуправления, но и с частными элементами,

например, по делам о защите прав потребителей, о защите добросовестной конкуренции.

А теперь обратимся к процессуальным конструкциям, с помощью которых в Российской Федерации защищается общественный интерес в гражданском и административном судопроизводстве на современном этапе. К сожалению, официальная статистика в этой сфере не ведется, и нет данных со стороны общественных организаций, чтобы можно было судить о частоте аффилиации членов общества, проявляющих социальную активность в борьбе за общее благо. Тем не менее, выделим две группы судебных механизмов, способствующих, так или иначе, защите общественного интереса:

1 — защита общественного интереса обусловлена интересами неопределенного круга лиц: обращение в суд с исковыми требованиями прокурора (ст. 45 ГПК РФ, ст. 39 КАС РФ), а также иных государственных органов, организаций и граждан (ст. 46 ГПК РФ, ст. 40 КАС);

2 — защита общественного интереса обусловлена интересами определенной группой лиц либо индивида: обращение в суд с коллективным (групповым) иском (ст. 42 КАС РФ, гл. 22.3 ГПК РФ), оспаривание нормативного правового акта, решения, действия (бездействия) органов власти (гл. 21, 22 КАС РФ).

Однако во всех этих группах защита общественного интереса не значит в качестве самостоятельной цели судебной деятельности. Законодатель заменяет данную конструкцию субъектной характеристикой иска — «неопределенный круг лиц», «иные лица», «третьи лица», при этом во главу угла ставятся государственные или, в крайнем случае, публичные интересы. И такой подход вполне объясним тем, что прокурор, иные органы публичной власти исполняют свои служебные обязанности, работая на государство, и в первую очередь их деятельность направлена на поддержание его интересов. Например, прокурор, выступая как представитель надзорного органа в сфере соблюдения законов, действующих на территории Российской Федерации, вне зависимости от формы деятельности нотариуса наделен полномочиями обратиться в суд с иском в интересах Российской Федерации о лишении нотариуса права осуществления нотариальной деятельности⁹. Можно ли сказать, что прокурор защищает общественный интерес? Да, но лишь отчасти, так как изначально цель его обращения — исполнение закона, а именно п. 1 ч. 5 ст. 12 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹⁰, в соответствии с которым полномочия нотариуса, совершившего умышленное преступление, прекращаются по иску к нему прокурора. Конечно, граждане и организации не хотят иметь дело с непрофессиональным нотариусом, однако основанием прекращения полномочий нотариуса является любое преступление, а не только связанное с профессиональной деятельностью.

По другим делам органами прокуратуры были предъявлены иски о взыскании вреда, причиненные

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ по делу № 20-КГПР18-3 // Справочно-информационная система «КонсультантПлюс», дата доступа 10 августа: 2019 г.

¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 26.07.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. № 10. Ст. 357.

преступлением, однако суды указали на отсутствие у них права на обращения в суд ввиду того, что денежные средства испрашивались не для Российской Федерации, а в пользу конкретных государственных учреждений, имеющих возможность самостоятельно обратиться в суд.

Исходя из другой обобщенной нами практики, целесообразно сделать вывод о недостаточности проработанного механизма защиты непосредственно общественно-го интереса в судебном порядке.

Сошлемся на авторитетное мнение И.В. Решетниковой, полагающей, что право общественного интереса — не только процессуальный институт [7, с. 286]. Действительно, его комплексность проявляется во многих отраслях права, а социальная и организационная активность населения способствует реализации. К сожалению, иски в защиту общественного интереса, поданные общественными организациями, можно пересчитать по пальцам. Одно из таких позитивных дел было недавно рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменившей судебные постановления нижестоящих судебных инстанций по иску общественной организации с требованием в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц к унитарному предприятию о возложении обязанности прекратить деятельность комплекса по обезвреживанию и переработке твердых бытовых и биологических отходов. Обе инстанции посчитали безосновательным обращение в суд истца и прекратили производство по делу, квалифицировав спорные правоотношения по Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹¹, который не наделяет общественные организации правом на обращение в суд в интересах неопределенного круга лиц. Кассационная инстанция не согласилась с этим выводом и передала дело на новое рассмотрение, потому что требования, направленные на защиту атмосферного воздуха, являются требованиями о защите окружающей среды. Закон об охране окружающей среды в п. 1 ст. 12¹² предусматривает право общественных объединений и некоммерческих организаций осуществлять деятельность в области охраны окружающей среды. Все представители государственных органов выступали по данному делу третьими лицами на стороне ответчика и не приобщили к материалам ни одного доказательства соблюдения спорным объектом экологических норм¹³.

Еще одним позитивным толчком в исследуемом направлении стало введение в ГПК РФ главы 22.3 ГПК РФ «Рассмотрение дел о защите прав и интересов группы лиц». Это произошло совсем недавно, в результате принятия Федерального закона от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации»¹⁴. Однако численность таких категорий дел по АПК РФ и КАС РФ пока невелика. Защита общественных интересов по групповым искам ограничена интересами определенного числа лиц, поэтому в чистом виде она не реализуется. Сложно согласиться с некоторыми учеными относительно частно-публичной природы интереса в групповых исках [3, с. 27—28]. По-видимому, основанием такого суждения стали два обстоятельства: персонафицированный состав группы лиц, обращающихся в суд за защитой права, и возможность взыскания и присуждения в отношении членов группы. Однако понятие публичного интереса является оценочным¹⁵, защита которого направлена либо на получение общего блага, либо на пресечение противоправного поведения. В данном случае субъекты предъявляют конкретное требование ответчику, являясь при этом выгодоприобретателями по судебному решению. Вследствие чего считаем, что по групповым искам происходит защита совокупности частных интересов, которая приводит либо нет к удовлетворению потребности конкретной группы лиц, даже если она большая. Защита общественного интереса по групповым искам носит опосредованный характер и презюмируется в каждом конкретном случае.

Иск же в защиту общественного интереса неопределенного круга лиц имеет другую цель и структуру, которые на настоящий момент времени недоработаны в современном законодательстве.

Резюмируя все вышесказанное, сделаем несколько выводов:

1. Институт защиты общественных интересов в гражданском и административном судопроизводстве находится в зачаточном состоянии и требует дальнейшего законодательного совершенствования. Процессуальными находками в данном ключе могут стать упрощенный порядок обращения в суд граждан и общественных организаций без необходимости предоставления сведений досудебного урегулирования спора, специальные правила доказывания по данным категориям дел со смещением бремени на ответчика, сокращенные сроки рассмотрения дела, беспрепятственное и бесплатное получение юридической помощи.

2. Общественные организации нуждаются в специальных полномочиях, позволяющих получать необходимую информацию о фактах, препятствующих удовлетворению интересов масс и ставших причиной нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

3. На государственном уровне требуется создать условия для проведения правового мониторинга судебных процессов гражданами и общественными объединениями с получением конкретных результатов процедуры и официальным их опубликованием.

¹¹ Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

¹² Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-100 // Справочно-информационная система «КонсультантПлюс», дата доступа 02 августа 2019 г.

¹⁴ Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29 (часть I). Ст. 3858.

¹⁵ Административное судопроизводство: Учебник / Под ред. В.В. Яркова. М. 2016. С. 95 (автор главы — В.В. Ярков).

Литература

1. Алексеевская Е.И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 176 с.
2. Лукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: автореф. ... дис. д. ю. н. М., 1971. 35 с.
3. Латышева М.В., Руднева Ю.В., Чугурова Т.В. Групповой иск как процессуальная форма защиты частно-публичных интересов в российском праве // Вопросы экономики и права. 2018. № 6 (120). С. 25—29.
4. Мониторинг судебных процессов. Справочное руководство для практиков [Электронный ресурс] // URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/102519?download=true>.
5. Проблемы развития процессуального права России : монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. М. 2016. 224 с.
6. Радченко В.И. Мониторинг правоприменения. Определение эффективности правового регулирования // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2 (15). С. 21—31.
7. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М. : Статут, 2019. 510 с.
8. Рыбаков О.Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 71—78.
9. Рыбаков О.Ю. Антикоррупционная правовая политика: понятие и структура // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1. С. 11—18.
10. Смагина Е.С. Защита государством общественных интересов в гражданском судопроизводстве // Российский судья. 2018. № 5. С. 11—16.
11. Соболева А.К. Поиск баланса между коммерческими и общественными интересами в практике Европейского суда по правам человека по статье 10 Европейской конвенции // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2017. № 7. С. 12—21.
12. Стрельцова Е.Г. Пределы проявления государственной воли в гражданском процессе // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. статей. Краснодар; СПб., 2004. С. 285—288.
13. Туманов Д.А. О возможности привлечения к юридической ответственности с целью защиты общественных интересов в порядке гражданского и административного судопроизводства в России // Тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича. Минск, 2018. С. 565—567.
14. Туманов Д.А. Об общественном интересе и его судебной защите // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 54—70.
15. Филиппов П.С., Кузнецов Е.А. Иск в защиту общественных интересов как метод борьбы с коррупцией // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 59—65.
16. Шеменева О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 312 с.

Рецензент: *Юдин Андрей Владимирович*, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права ФГАОУ «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, Россия. E-mail: udin77@mail.ru

